

— Под Новый год морозы ударили до -24° (30-го и 31-го декабря). 3-го января на двух машинах - уазике и грузовом "газоне" - отправились вытаскивать мотоцикл: я, Серёжа, Лёнька Захаров, два Володи - Смертин и Клименко, Юра Шагимуратов и шофера - Виктор Богомазюк и Олег Семёнов из Ульяновки, которого я помнил ещё сопливым пацаном в компании своих братцев, сын гоношного долговязого Виктора Семёнова, работавшего у нас ещё при Суходольском.

— В кузове "газона" везли взятую из обсерваторского гаража здоровенную треногу с блоками, с помощью которой наши шофера снимают для ремонта двигателя с машин. На эту-то треногу, как подъёмное средство, и возлагались все надежды. Везли ещё длинные дюралевые трубы в качестве ваг, а также пешни, топоры, пилу, молотки, гвозди - укреплять помост.

— Погода была прекрасная - ясная, морозец градусов в двадцать. Лёд на заливе был уже толщиной сантиметров в 30-40 и в принципе мог бы выдержать и грузовик, но заманить на это было невозможно не только шоферов, но и остальных членов нашей бригады, кроме, пожалуй, Серёжи, - хватит, мол, один уже нарисковался. Да и торосы у берега помешали бы проехать.

— Поехали по дамбе. У дяди Васи позаимствовали ржавые санки, метр на полтора так площадью, и несколько досок ещё на всякий случай всё от той же ограды загона отодрали. Доехали до места, откуда мы с Серёжей начали ставить вехи. Их было и сейчас хорошо видно. Треногу, трубы, доски, пешни, инструмент погрузили на санки, привязав всё к ним, и поволокли их от вешки к вешке. Шофера остались на берегу греть двигателя, а то не заведёшь, мол, потом на таком морозе.

— Все вешки оказались на местах, и через 15-20 минут мы уже были у главной оглобли с развевавшимся на ней обрывком красного полиэтиленового мешка. Оглобля была намёртво вморожена в лёд, вокруг неё намело сугроб снега. Помоста же не было видать и следов, ни одной доски, сколько ни разгребали мы снег в окрестностях оглобли, пока не расчистили всё вокруг. Да его не так много и было. Куда же доски подевались? Неужели растаскали их все? Зачем? Костры жечь, что ли, или для сидений? Но и поодаль никаких следов ни досок, ни кострищ.

— Стали пробовать долбить лёд около оглобли. Толщина больше полуметра, заметно больше, чем в других местах, где мы пробовали. И тут в одной из лунок пешня в чём-то завязла: доска! Вот они где! Теперь только мы сообразили, что произошло. Когда мы в предыдущий поход заякоривали мотоцикл и сооружали помост, то надолбили много лунок, из которых выступила вода на тонкий тогда ещё лёд, прогнувшийся к тому же под тяжестью помоста. Эта вода и падавший в неё снег смёрзлись, и помост оказался вмороженным в лёд на глубине сантиметров в сорок от его поверхности, вместе с верёвками от якорей, которые были намотаны на доски помоста. Нам ничего не оставалось, кроме как долбить лёд над помостом, чтобы добраться до верёвок.

— Продолбились, добрались. Прорубили прорубь по внутреннему периметру помоста, установили над ней треногу, пропустили концы верёвок от якорей через блоки и начали тянуть за основные и добавочные концы. Беспokoило - пролезет ли мотоцикл через "окно" в помосте, ведь мы положили доски на глазок, надеясь передвинуть их в случае надобности при вытаскивании мотоцикла, а теперь они были наглухо впаяны в лёд.

— Ото дна мотоцикл оторвался и пошёл вверх при сравнительно небольшом напряжении наших сил. Но вот вода в полынье забурилась - мотоцикл подтянут к поверхности. Теперь каждый сантиметр поднятия его вверх требовал значительного увеличения усилий ибо уменьшалась сила Архимеда, выталкивающая мотоцикл и равная весу вытесненной им воды, и всё большая часть тяжести мотоцикла оказывалась некомпенсированной этой силой. А весит мотоцикл килограммов 250-300 да плюс вес воды в коляске и во всех других местах, куда она проникла, так что общий вес был близок

к полутонне, а нас шестеро - по восемьдесят килограммов на каждого. Это чтобы удержать мотоцикл на весу в воздухе, на самом-то деле, конечно, требовалось лишь приподнять мотоцикл из воды настолько, чтобы можно было подсунуть под него ваги, а потом уже с их помощью, орудуя ими как рычагами, вытолкать мотоцикл на лёд.

— Так вот приподнять мотоцикл над полыньей хоть насколько-нибудь нам не удавалось: едва высунувшись из проруби, мотоцикл срывался с якорей и возвращался к себе на дно. Снова "блеснили" якорями, цеплялись за что зацепится, тянули, поднимали до поверхности, пятеро удерживали его на верёвках, а я бегал вокруг полыньи с вагами, пытаюсь подсунуть их под мотоцикл - ничего не выходило. Надо было поднимать ещё, я присоединялся к тянувшим, мы буквально повисали на верёвках, мотоцикл начинал вылезать из воды и... срывался с характерным шумом.

— Надо было что-то радикально менять в технологии, но идей никаких не было, и мы тупо повторяли одно и то же, с каждым разом всё более теряя веру в успех мероприятия. А время шло, пора обеда уж миновала. Уныние готово было охватить нас.

— И вот появляется - в который раз и воистину как "Бог из машины" - мужичок, рыболов-любитель на мопеде.

— Чего ребята, мотоцикл тянете?

— Ага, да вот не получается - срывается, зараза, всё время.

— Ну-ка, попробуем.

— Повторили всё вместе с ним с тем же результатом. Взял он наши якоря, посмотрел, говорит:

— Дайте-ка топор.

— Дали, и начал он обухом по лапам якоря стучать.

— Вон они как у вас разогнулись, их надо наоборот круче загнуть.

— Загнул он лапы, и мы снова подцепили мотоцикл. Опять подтащили к поверхности. Теперь удалось приподнять чуть повыше - всё-таки на одного человека больше стало, и якоря держат. Одну вагу я сумел просунуть меж спиц колеса коляски с опорой на доски помоста, и она приняла на себя часть веса мотоцикла, что позволило ещё одному человеку оставить свой верёвочный конец и подсунуть в другом месте вторую вагу. Манипулируя таким образом, мы перенесли большую часть нагрузки на ваги, а трое продолжали натягивать верёвки от якорей.

— Мотоцикл занимал относительно полыньи самое что ни на есть благоприятное положение (в этом нам повезло) - кверху задом, то есть будучи обращённым к полынье минимальным своим сечением и позволяя к тому же выволакивать его на лёд сразу двумя колёсами - задним и боковым коляски. Приподнимать мотоцикл длинными рычагами оказалось, естественно, гораздо легче, чем тащить верёвками, и вскоре заднее и боковое колёса уже стояли на помосте, а в воде была лишь передняя часть. Рывок - и весь мотоцикл на льду.

— Ура! Вот он, голубчик!

— Что, Саня, доволен? Не надеялся уже, небось, увидеть своего коня?

— Если бы не надеялся, стал бы вас сюда тащить!

— Подождите радоваться, ещё до берега его допереть надо.

— Мы поблагодарили мужичка, сыгравшего решающую роль и обеспечившего успех операции, угостили его спиртом и хлебом с салом. На наши комплименты по поводу его уверенных действий мужичок ответил:

— Мы же местные, нам это дело привычное, здесь почитай каждый сезон не по одному мотоциклу топят.

— Сами мы пить не стали, следуя правилу - пить только на берегу, слили воду из коляски, из которой, несмотря на неоднократные падения на дно, так и не вывалились ни пешня, ни рюкзак со всеми нашими манатками. Мороз, как я говорил уже, был градусов в двадцать. Мотоцикл быстро обледенел, вода была и в ступицах колёс, замёрзнув, она не позволяла колёсам вращаться. Пришлось волочить мотоцикл волоком, просто как

полутонную глыбу железа и льда. По чистому льду это ещё удавалось, но первый же нанос снега остановил наше движение.

— Стало ясно, что через снег проволочь мотоцикл мы не сможем. Обходить все наносы? Это в несколько раз удлинит путь, а скоро уже стемнеет. Может, попробовать взгромоздить мотоцикл на санки, на которых везли треногу, ваги, пешни и прочий инструмент? Попробовали. Санки, как ни странно, не развалились под тяжестью мотоцикла, а тащить его на санках оказалось гораздо легче, чем просто волочить. С разбегу мы преодолевали даже снежные наносы, избегая всё же заведомо глубоких мест.

— И тем не менее продвигались мы очень медленно, и каждый новый нанос давался нам со всё большим трудом. Все взопрели, хрипели, тяжело дыша. Уже начало темнеть, а мы прошли всего метров двести от полыньи. В нашей упряжке не хватало одного-двух человек. И вот мы увидели их издалека - бредущих нам навстречу наших шоферов, которые истомились на берегу и начали беспокоиться, не случилось ли что с нами. Подключение к делу двух здоровых, не тративших ещё сегодня сил мужиков в корне изменило скорость нашего передвижения, мы понеслись буквально рысью, напрямик, обходя только торосы.

— Вот и берег. Последние усилия - и мотоцикл пушинкой взлетает в кузов грузовика (не без помощи досок, разумеется). Уф! Вот теперь почти что уже всё. По коням! Не стали даже перекусывать, попили только чайку из термосов. До семи надо успеть за водкой и ко мне - там уж и подкрепим свои силы истощённые.

— В Каширском магазин, оказалось, работает до шести, в Гурьевске тоже почему-то был закрыт, хотя и не было ещё семи, несколько минут оставалось. В Васильково у магазина мы остановились ровно в семь, и на парадных дверях уже висел амбарный замок, но свет внутри ещё горел, и через окна-витрины были видны продавцы. Я рванул к чёрному ходу и уговорил, задыхаясь и бормоча что-то про утопленный мотоцикл и замёрзших спасателей, продать мне пять бутылок водки. По бутылке я отдал шофёрам. С Олегом договорился, что он оставит мотоцикл на грузовике в холодном гараже в Ульяновке дабы ему не ехать сегодня дальше в Ладушкин, а потом обратно к себе домой, а завтра я приеду туда и организую перевозку мотоцикла в тёплый ладушкинский гараж, что во дворе нашего измирановского дома. Там я и собирался приводить мотоцикл в чувство.

— Ну а с остальными членами бригады спасателей слезли у нашего дома и завалились ко мне. Сашуля и папа вполне разделяли нашу радость по поводу успеха мероприятия, несмотря на то, что Сашуля и объявила в день нашего утопления: - Пусть он там на дне и остаётся, проклятый!

— Вот когда водка-то хорошо пошла, с морозу, с устатка, а закуска - с голодухи - целый день ничего не жрали практически. Славно посидели, весело обсуждая детали прошедшего дела. К полуночи разошлись.

— И спали потом все, как убитые.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)